

Орденоносный Малый театр

Малый театр — старейший наш театр: в одном и том же здании, открытом в 1824 году, не прерываясь, в течение **ста тринадцати лет** идет деятельная, могучая театральная жизнь и художественная работа. Ее начало совпадает с преддверием декабрьского восстания 1825 года, а настоящее течение «трудов и дней» Малого театра проходит уже в эпоху социалистического строительства.

История Малого театра вмещает целую эпоху русской жизни — и какую эпоху! На заре Малого театра его труппа пополнялась крепостными актерами, покупаемыми дирекцией за сходную цену у разорявшихся владельцев «крепостной собственности». Величайший артист Малого театра М. С. Щепкин был крепостным актером, сбежавшим от рабских цепей. А ныне праправнуки Щепкина — ведущие мастера Малого театра, знатные люди нашей страны, — награждены правительственными орденами и званием народных артистов республики, и сам Малый театр стал орденоносным. В малом виде Малый театр отражает всю историю русского театра: от актера-раба к народному артисту СССР, от казенного театра — к театру социалистического народа.

Этот великий и трудный путь Малый театр прошел с честью и славой.

Из всех казенных театров царской России он всегда был наименее казенным. В нем всегда был родник идейного и творческого демократизма. Искусство театра есть общественное служение. Эта мысль была заветным убеждением «отца и родоначальника» Малого театра — М. С. Щепкина. Эта мысль всегда разделялась лучшими представителями Малого театра — от Мочалова до наших дней. Когда в 1920 году советское правительство присвоило М. Н. Ермоловой в день ее 50-летнего юбилея звание народной артистки республики, величайшая артистка Малого театра ответила, что с гордостью принимает такое имя, потому что «всю свою душу Малый театр отдавал народу, и всегда стремились к этому и он и я. И до конца дней мы всей душой принадлежим народу». Это был подлинный ответ Малого театра — того театра, в честь которого слагал хвалы великий демократ Белинский, театра, давшего жизнь драматургии Грибоедова, Гоголя, Островского, — подлинный ответ Малого театра на ленинские указания о том, что искусство должно принадлежать народу, должно пытаться родником живого народного творчества.

Малый театр всегда был несокрушимым оплотом сценического реализма. «Он создавал правду на русской сцене... Его произведения были без малейшей фразы, без аффектации, без шаржа». Это сказал Герцен про Щепкина, основателя русского сценического реализма, но это же можно сказать и про «дом Щепкина» — про Малый театр.

Реализм Малого театра выкован в горниле столетнего опыта и всегда имел большое общественное значение. Он не только питал своими соками русский театр в целом (вспомним, что Станиславский любит

называть себя учеником Щепкина и Малого театра) — он был еще верным союзником освободительной мысли Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Из ряда образов Гоголя и Островского, созданных Щепкиным, Садовским, Шумским, Ленским и их преемниками, сложился грозный обвинительный акт насильническому строю жизни, неопровержимый своей жизненной правдой и художественной достоверностью. А ряд возвышенных образов, созданных Мочаловым, Ермоловой, Южиным, Горевым в трагедиях Шекспира, Шиллера, Мольера, звучал для зрителей сумрачных предреволюционных лет светлым призывом к борьбе за человеческое достоинство, за свободу мысли, за народное освобождение.

Когда социалистическая революция рождала в буре и грозе новую жизнь нашего народа, Малый театр первым из московских театров пошел навстречу новому зрителю, создав свой филиал в рабочем районе и широко организовав выездные спектакли на фабриках, заводах, в красноармейских казармах и т. д. Несколько лет спустя он первым же пошел навстречу колхозному зрителю, открыв свой филиал в Замечинне. Малый театр работал и работает в тесном творческом общении с лучшими советскими драматургами.

Размышляя о грядущем театре, нужном и ценном для широкого советского зрителя, А. В. Луначарский писал:

«Ни биомеханика, ни неореализм, ни идеалистический символизм, ни импрессионизм с его панорамы и деталями не будут пригодны для этого театра. Плакат так же мало подходит для него, как миниатюра. Ему нужна фреска, т. е. большая художественная тонкость при сокращении монументальности. Этот театр, наверное, перепахнет те образы, которые давал Малый театр, но он пойдет по этому же пути: ему как раз нужна будет амплитуда Щепкин — Мочалов, Садовская — Ермолова. Вот почему необходимо крепко держаться за московский столетний театр».

Эти строки были написаны в 1924 году. В наши дни они звучат еще справедливее и сильнее. От «биомеханики» и «идеалистических символизмов», пытавшихся тринадцать лет назад отстаивать свое право на существование, теперь не осталось и следа: самые слова эти выпадают из живого языка. Последние остатки формалистического мира вымываются из советского театра.

А тот основной завет искусства, которому всегда служил Малый театр — глубокий, вдумчивый реализм, — является ныне в единую основу единого советского театра.

Малому театру предстоит огромная задача: углубить свой старый реализм до глубины и действительности социалистического реализма.

Высокое признание правительством творческих заслуг и достижений Малого театра в его прошлом и настоящем дает уверенность, что старейший русский театр найдет в себе крепкую волю и молодую силу на то, чтобы стать образцовым театром социалистического реализма.

С. ДУРЫЛИН.